

Конфликты, идентичность и диалог*

Н. Н. ФЕДОТОВА

(МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)

МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ)**

В статье показана связь конфликта, диалога и идентичности. Используются конфликтологические теории С. Хантингтона и Й. Галтунга. Показаны два типа идентичности: неизменной и процессуально меняющейся. Рассмотрена роль диалога в преодолении конфликтов парадигм социологии.

Ключевые слова: идентичность, диалог, конфликт, социология, конфликтологические теории, С. Хантингтон, Й. Галтунг.

Проблема идентичности и диалога имеет прямое отношение к существованию конфликтов и способов их разрешения. Конфликтологические теории оказывают существенное влияние на понимание идентичности и диалога.

КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ

В 1993 г. С. Хантингтон опубликовал статью, а позже — книгу о столкновении цивилизаций. Он показывал, что природа конфликтов меняется. От феодальных конфликтов между домами и дворами феодалов средневековой эпохи после Великой французской революции произошел переход к конфликтам между государствами. После Великой Октябрьской социалистической революции международный конфликт преобразуется в конфликт между социальными системами капитализма и социализма. Распад коммунизма обрывает его, ставя людей перед неясным будущим. Это толкает их к своим цивилизационным истокам, формирует цивилизации как группы близкородственных стран и народов. Отпрянув к своим цивилизационным истокам, люди в большей мере перешли к цивилизационной идентичности и стали приверженными в большей степени ей, нежели таким ее видам, как социальная, гражданская идентичность (Huntington, 1993, 1996).

Надо отметить, что термин «столкновение цивилизаций» Хантингтон заимствовал у А. Тойнби, который считал это столкновение постоянным процессом и, в отличие от Хантингтона, не локализовал его в определенной и эпохе и не ставил после этого термина знака вопроса (Тойнби, 1991: 556).

Теория столкновения цивилизаций до сих пор не проанализирована в контексте существования других конфликтологических концепций.

Приведем теорию конфликта Й. Галтунга, норвежского исследователя проблем мира и насилия. Он ввел понятие «треугольник насилия», в котором есть «видимая часть» (насильственное поведение, прямое насилие) и «невидимая часть». Последняя включает культурные установки и убеждения и структурную часть — противоречия, формируемые социальной структурой.

Насилие называется прямым, если оно кем-то осуществляется. Единичные акты прямого насилия исходят из политических решений и экономических сделок. Политические и экономические структуры взаимно определяют друг друга. Но за ними — культура, которая легитимизирует одни действия и делегитимизирует другие.

Внутри человеческих обществ есть непрямое ненамеренное внутреннее насилие, кото-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-03-00330а «Процессуальный характер идентичности: факторы изменения»).

** Федотова Надежда Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Тел.: +7 (495) 434-94-26. Эл. адрес: nnfedotova@rambler.ru

рое проявляется на уровне личности. Культурное насилие — совокупность мифов, толкований побед и поражений и всего того, что служит оправданию прямого насилия. Оно отличается использованием стереотипов, ярлыков, дегуманизирующих врага (сравнение с животными, болезнями, дьяволом) и характерной для конфликта поляризацией (кто не с нами, тот против нас). Даже мнение о полезности насилия, по мнению Галтунга, само по себе порождает культуру насилия, отрицание мысли о том, что социальные структуры могут быть изменены только насилием. Это становится тезисом культуры насилия. Выход из этой культуры, по мнению Галтунга, заключается в демократии, политике ненасилия, культуре мира, диалоге и пр.

Структурное насилие — совокупность всех столкновений, встроенных в социальные и мировые структуры, может делать насилие внутренне присущим обществу. Оно проявляется в форме социального неравенства, стратификации, гендерной дискриминации, иерархии, милитаризации, неравного доступа к образованию, неадекватного распределения услуг здравоохранения, рабочих мест, властных позиций. Но это насилие не ведет к преодолению бедности, несправедливости. Напротив, из-за него у людей возникает ощущение безысходности, невозможности разорвать порочный круг, мнение, что структуры насилия могут быть сменены только насилием. Но, как уже было отмечено, Галтунг показывает, что каждое насилие может привести к новым насильственным проявлениям социальных структур и усилит столкновения и войны.

Непрямое — структурное насилие зависит не от мнений, а от самой социальной структуры (отношений между людьми, обществами, группами, союзами, регионами). Непрямое насилие исходит из объективных структурных отношений в обществе. Две основные формы внешнего структурного насилия хорошо известны из политики и экономики — репрессия (подавление) и эксплуатация. Они не обязательно намеренны.

За всем этим стоит культурное насилие: все символические системы — религиозная,

идеологическая, языковая, научная, правовая, СМИ, образовательная — выполняют функцию легитимизации прямого и структурного насилия.

В действительности мы имеем дело с насилием в культуре, политике, экономике и затем с прямым насилием. Все они важны, особенно важна культура (Galtung, 1998).

Позиция Галтунга интересна подчеркиванием однонаправленной причинной связи в движении от культуры к политике и экономике и только затем к военному столкновению, а не наоборот. Таким образом, основное каузальное направление для насилия — от культуры через социальные структуры к прямому насилию.

Нетрудно заметить источник столкновения, который оба исследователя — Хантингтон и Галтунг — первоначально обнаруживают в цивилизации или в культуре.

Концепция Хантингтона сразу же была встречена серьезной критикой. В самой концепции виделась попытка легитимизировать конфликты цивилизаций и даже провоцировать их. Град критики обрушился на множество аспектов предложенной Хантингтоном теории. В ответ на это он отвечал, что теория может быть опровергнута только другой теорией, а не отдельными примерами или утверждениями.

Концепция диалога культур стала первой прототеорией, которая, стремясь к повышению своего теоретического статуса, стала оппонентом теории столкновения цивилизаций.

У Галтунга способом преодоления культурных противоречий, ведущих к реальным столкновениям, стала культура мира, которую некоторое время официально разделяла ЮНЕСКО. Близка позиции Галтунга Э. Боулдинг, бывший генеральный секретарь Международной ассоциации исследований мира, полагающая, что мир культуры так же свойственен человеческой природе, как культура войны. При этом, культура мира не является культурой без конфликтов, конфликт — часть любого социального порядка. Она считает, что культура мира — «это не просто плод воображения. Она существует в повсед-

невной жизни и в привычных взаимодействиях, в жизни и работе людей, тогда, когда они обсуждают различия, а не участвуют в бесконечных сражениях по поводу того, как решить возникающие проблемы. Насилие является более заметным, чем мирное решение, и ему отводится больше внимания в наших книгах по истории и в наших средствах массовой информации. Но культура мира может помочь нам прийти туда, куда мы хотим» (Boulding, 1998: 457). Думается, что идеи культуры мира оказались во многом забытыми из-за недостаточной эффективности их практического применения. В частности, это произошло потому, что идея структурного непрямого насилия, идущего от общества, повисла у Галтунга между «небом» культуры и «землей» прямого насилия. Вопреки ожиданиям Галтунга и Боулдинга порочный круг насилия не был разрушен спиралью мира, которая будет исходить из культурного мира и пронизывать структурный мир, выходя к физическому миру (Galtung, 1996). Этот процесс не привел к позитивному миру. Негативный мир, т. е. отсутствие войны (мировой войны. — Н. Ф.), сохраняет насилие и пессимизм.

Идеи культуры мира, отчасти сходные с точкой зрения Хантингтона, отчасти противостоящие ей, не смогли выступить альтернативой его теории.

Идеи диалога культур имеют большой шанс сформировать себя как альтернативную теорию, хотя встречаются много трудностей на этом пути.

Французский философ М. Мерло-Понти полагал, что необходимо понять культуру как сеть взаимоотношений «своей» и «чужой» внутри каждой из культур (История культурологии, 2006). Как показывают известные российские культурологи, эта сеть взаимоотношений понимается как диалог (М. Бахтин), у других — как новая сфера «Между» «Я» и «Ты» (М. Бубер), как символическое или ритуальное взаимодействие (символический интеракционизм Дж. Г. Мида, этнометодология И. Гофмана), как область интертекста и интеркультуры (постмодернисты от Ж. Батая до Ж. Дерриды) (там же).

Диалог не выступает панацеей для решения проблем культуры, ведущих к столкновению культур и цивилизаций и распространению агрессии на общества вплоть до войн. Для ведения диалога нужны условия. Их хорошо обозначил академик В. Лекторский: «Во-первых, культура как целое не может практиковать диалог. «Диалог культур» — метафора. Только отдельные люди, группы, сообщества, институты могут участвовать в диалоге. Во-вторых, диалог обычно ведется не по поводу системы культурных ценностей. Последние конституируют культурные идентичности и в связи с этим личные идентичности людей, принадлежащих той или иной культуре. Невозможен диалог по поводу религиозных догматов, которые могут быть связаны с определенными культурными ценностями... Поэтому межкультурный диалог возможен и плодотворен именно в контексте решения определенных практических проблем» (Лекторский: Электр. ресурс). По его мнению, межкультурный диалог возможен, если найдены общие рамки диалога, т. е. происходит обсуждение проблем, которые отражают совместную заинтересованность в их решении, соизмеримы между собой. Важно также быть убежденным в полезности диалога. Лекторский отмечает, что оба эти условия пока не работают. Диалог отдельных лиц представляет собой эмпирическую реальность. Но и при этом возможен конфликт цивилизаций или провокация культурной враждебности, вплоть до развязывания военного конфликта. Диалог отдельных лиц, групп, сообществ, институтов необходим, но недостаточен, диалог культур и цивилизаций реален, хотя и не всегда достижим через деятельность упомянутых акторов.

Когда Хантингтон говорит о возможности и опасности столкновения цивилизаций, он имеет в виду столкновение — мировоззренческое и практическое — между разными группами близкородственных народов. Когда Галтунг говорит о том, что культурные конфликты провоцируют конфликты в обществе, вплоть до прямых насильственных действий, он имеет в виду не только

международные конфликты, но и конфликты внутри отдельных обществ, поскольку в них имеются слои разной этничности, профессиональности, социально различные группы, группы разной идентичности.

М. Степанянц выделяет три понимания межкультурного диалога: претензия на гегемонию одной культуры, диалог ради синтеза культур, диалог как путь к достижению единства при сохранении многообразия. Только в рамках третьей позиции осуществляется «поиск путей к сохранению культурной идентичности, избегая при этом изоляции, а тем более прямой конфронтации. Выявление и поддержание того, что объединяет людей разных культур, не допуская в то же время унификации в интересах какой-либо одной цивилизации» (Степанянц, 2008: Электр. ресурс). Автор также различает внутренний и внешний аспекты участия России в диалоге культур. «Диалог культур необходим России, прежде всего, для решения внутренних проблем. Россиянам требуется обрести коллективную идентичность вместо утраченной общности — «советский народ». Дело это не легкое, учитывая стремление к самоидентификации, автономии и даже полному суверенитету национальных и этнических групп, населяющих Российскую Федерацию» (там же). По поводу внешнего аспекта автор отмечает, что «Россия в состоянии конструктивно участвовать в процессах, формирующих мир, лишь имея собственное национальное «лицо», располагая ценностями, позволяющими через посредство диалога культур внести свой вклад в построение цивилизации (или цивилизаций) будущего» (там же).

При контакте представителей разных культур может быть потеряна часть значений и смыслов, приводя к конфликту идентичностей. Сегодня этот конфликт повсеместен как между идентичностями разных стран, так и между идентичностями разных народов. Перемены в мире, осознание прав человека и легитимности интересов многих социальных групп сильно влияют на стабильность идентичностей.

3. Бауман полагает, что «идентичность является «горячо оспариваемой концепцией». Всякий раз, когда вы слышите это слово, можете быть уверены, что там идет битва. Поле боя является родным домом для идентичности. Идентичность существует только в шуме битвы; она засыпает и ее не слышно, когда шум битвы стихает... Идентичность — это борьба одновременно против распада и фрагментации; попытка поглотить и в то же самое время — отважное сопротивление пожиранию...» (Bauman, 2004: 77).

Следовательно, конфликты в культуре и конфликты культур и цивилизаций — это конфликты разных идентичностей, смыслов себя, как определяет идентичность С. Хантингтон. Возможно ли преодолеть их посредством диалога? Соглашаясь с тем, что мировоззренческий спор невозможен, что в нем не может состояться переход на позиции другого мировоззрения, другой идентичности, другой картины мира, исследователи приходят к разным выводам. Немалое число среди них за рубежом и в России полагают, что идентичность утрачивает старое содержание, а становится видом роли. На этом строится концепция плюрализма идентичностей. Например, такую точку зрения выдвигает А. Сен (Sen, 2006). Но нам ближе точка зрения М. Степанянц, приведенная выше. Диалог не увеличивает количество идентичностей его участников, не делает их носителями многих идентичностей. Он создает в их картине мира признание наличия других идентичностей и других картин мира, других культурных практик и отрицание только тех из них, которые враждебны и опасны развязыванием терроризма, гражданских войн и войн между странами. Он приучает воспринимать картину мира и идентичность другого как процесс, который может изменяться, но не отменяться, не соединяться механически с другими картинами мира и идентичностями. Но не может измениться только в ходе диалога. Изменения идентичности состоят в том, что люди под влиянием внешних, социальных условий, выбора в обстоятельствах, чреватых риском,

ведя диалог, находят компромисс сначала по конкретным вопросам, а затем по мере признания объективности интересов разных социальных групп, в диалоге договариваются о компромиссе, означающем жертву части интересов во имя общего блага с сохранением своих базовых интересов. Такой диалог присущ демократии.

Концепция диалога в большей мере дает ответ на столкновение идентичностей, чем на столкновение цивилизаций.

КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Социолог А. Турен полагает, что «призыв к идентичности представляет собой прежде всего отказ от социальных ролей или, точнее, отказ от социального определения ролей, которые должно играть действующее лицо» (Турен, 1998: 97–98). Он продолжает: «...в нашем обществе призыв к идентичности чаще соотносится не с метасоциальным гарантом, а с инфрасоциальной, природной силой. Призыв к идентичности становится, в противовес социальным ролям, призывом к жизни, свободе, творчеству. Наконец, государство также обращается к идентичности в противовес социальным ролям, пытается навязать идею единства, высшего по отношению ко всем особым объединениям и способного навязаться им. Особенно национальное государство вызывает к гражданственности и, соответственно, к патриотизму в противовес всем социальным, профессиональным и географическим различиям. Таким образом, индивидуальный или коллективный призыв к идентичности составляет оборотную сторону общественной жизни» (там же: 99).

Турен выделяет оборонительную и наступательную идентичности и определяет три типа «призыва к оборонительной идентичности», т. е. к защите имеющихся форм идентичности:

1. В доиндустриальной экономике имеется защита (оборона) идентичности способа производства и образа жизни. «Призыв к идентичности кажется особенно связанным с защитой традиционных элит».

2. Второй тип призыва к оборонительной идентичности состоит в том, что серьезный кризис коллективности стремится вытеснить свои внутренние конфликты на противостояние внутреннего и внешнего, внутренней интеграции и внешней угрозы, чтобы сохранить свою идентичность.

3. Третий тип поведения оборонительной идентичности представляет собой особую форму омассовления и деструктуризации общества в попытке избавиться от абсолютной власти государства. «Идентичность оказывается тогда прерывистой серией идентификаций с моделями, произведенными массовой культурой» (там же: 102–103).

«Таким образом, — пишет Турен, — идентичность становится в глазах социолога не просто призывом к существованию, а также требованием некоей способности действия и изменения... Но это не может произойти целиком в рамках призыва к идентичности... Таким образом, переход от оборонительной идентичности к наступательной является также переходом от простого принципа действия к взаимозависимости нескольких дополнительных принципов... Мы здесь находим самую скрытую форму значения понятия идентичности в социологической области... Идентичность не может быть противопоставлена социальному участию и выполнению социальных ролей. Еще менее возможно смешение ее с ними. В доиндустриальных обществах призыв к идентичности был призывом к общественному порядку независимо от того, была ли эта идентичность религиозной природы, национальной или даже классовой. Напротив, сегодня... сама социальная система оказывается... постоянно меняющейся и имеющей большую власть над самой собой» (там же: 105–106). Иными словами, если прежде, в традиционном обществе, все оборонительные усилия были направлены на поддержание имеющейся идентичности, то в меняющемся и особенно самоорганизованном современном обществе возникают новые формы идентичности, наступательно вытесняющие старые или адаптирующие их. Изменения перестают быть непременно

признаком конфликта, а процессуальный характер идентичности — ее новое обретение через изменение. Формирование идентичности становится процессом ее изменения, а не появлением плюрализма идентичностей. И в этом конфликте оборонительной и наступательной идентичностей диалог может быть способом разрешения противоречия.

ДИАЛОГ В НАУКЕ

Обращаясь к социально-гуманитарной науке, нельзя не отметить конфликтность ее парадигм и картин мира. Как показал В. С. Степин, научное знание включает в себя эмпирический уровень, теоретические схемы и картины мира. Картины мира разные. Отсюда разные онтологии, ибо они возникают из согласования теоретических схем с картиной мира (Степин, 1999). Диалог на уровне картины мира невозможен. Возможно лишь согласие на право признания картины мира другого. В итоге возникают вопросы о том, как соотносятся идеи Э. Дюркгейма и Дж. Г. Мид, работы Т. Парсонса и синергетика. Диалог может помочь преодолеть эту конфликтность.

Социология сегодня является полипарадигмальной наукой. Две исторически первые парадигмы (парадигма структуры и парадигма действия) представляют собой четко сформулированные альтернативные решения вопросов о социальной реальности. В рамках этих парадигм решаются теоретические споры о действии (агенте, акторе) или структуре, номинализме или реализме, конфликте или консенсусе и пр. Прежде эти теоретические споры являлись четкими линиями водораздела между социальными теоретиками. П. Монсон пишет: «Экзистенциалистский анализ общества (и другие близкие к нему направления) в течение долгого времени был гораздо менее распространен в социологии, чем структуралистский подход. Но в последние десятилетия постановка структуралистами проблемы понимания человека дала повод для оживленных дебатов о соотношении «индивида» и «общества» или «действия» и «структуры». Раньше эти столь разные на-

правления сосуществовали параллельно, а теперь все чаще ставится вопрос об их взаимодействии» (Монсон, 1994: 26).

Дж. Ритцер рассматривает такие тенденции современной теоретической социологии, как микро-макроинтеграцию, интеграцию действия и структуры и теоретический синтез. Взаимосвязь микроуровневых способов действия и макроуровневого состояния, микро-макроотношений изучалась рядом социологов. Например, Ритцер предпринял попытку разработки интегрированной социологической парадигмы, которая объединяет микро- и макроуровни как в объективных, так и в субъективных формах.

В решении проблемы интеграции структуры и действия Ритцер выделяет ряд точек зрения, среди которых, например, теория структуризации Э. Гидденса, которая видит действие и структуру как «дуальность». Это означает, что они не могут быть отделены друг от друга, так как агент вовлечен в структуру, а структура включена в агента. Другие ведущие теоретики в области агент-структурной интеграции — М. Арчер, П. Бурдье, Ю. Хабермас.

Ритцер показывает, что направления микро-макро- и агент-структурной интеграции возникли в 1980-х годах и явились предпосылкой возникновения теоретического синтеза, который ведет отсчет приблизительно с начала 1990-х годов. Теоретический синтез предполагает не формирование большой синтетической теории, а синтеза двух или более теорий. Примером выступает неофункционализм, пытающийся преодолеть многие из ограничений структурного функционализма путем интеграции идей широкого круга теорий, теория обмена, в которой предприняты попытки синтезировать идеи, почерпнутые из таких источников, как символический интеракционизм и сетевая теория, и пр. Также существуют попытки междисциплинарного синтеза, когда в социологию привносятся, например, биологические или экономические идеи (Ритцер, 2002: 100–104).

Такие типы синтезов не обходятся без диалога.

Р. Коллинз полагает, что «построение социологического знания — это коллективное предприятие, и более чем в одном измерении... Ни в одной другой форме интеллектуальной жизни не зависим мы так сильно друг от друга, как в науке. Чтобы объединиться, как подобает ученым, нам нужно сосредоточиться на согласовании теоретических концепций поверх границ разных исследований» (Коллинз, 1994: 94).

Указанные формы интеграции теоретических подходов представляют собой диалог, хотя этот термин не используется авторами.

Т. Джонсон, К. Дандекер, К. Эшуорт выделяют два источника фрагментации внутри социологии — специализацию и дробление теоретических подходов. По мере развития социологии представители разных социологических школ делились на все большее число новых направлений, приверженцы которых не могли ни понять, ни вступить в коммуникацию друг с другом.

Выход из подобного положения авторы видят в диалоге: «Отдельные теоретики или социологические школы могут отдавать предпочтение какому-либо из стратегических решений. Но при этом они так или иначе непременно обращаются к проблемам, поставленным альтернативными стратегиями. Поэтому каждая из стратегий является *диалогом* (курсив мой. — Н. Ф.), опосредующим процессом, который пытается справиться с устойчивыми социологическими парадоксами, порождаемыми альтернативными решениями: между фактом и теорией, свободой и детерминизмом, структурой и действием, смыслом и условием и т. д. Каждая теория представляет собой более или менее сложную попытку опосредования конкурирующих притязаний, но попытку, осуществляемую с позиций какого-либо определенного стратегического предпочтения» (Джонсон, Дандекер, Эшуорт, 1993: 100). Они делают вывод: «...наша позиция заключается в том, что, решая тождественные проблемы, каждый социолог вынужден сталкиваться или вступать в *диалог* (курсив мой. — Н. Ф.) с альтернативными подхода-

ми, хотя бы только для того, чтобы затем отвергнуть их» (там же: 104).

По мнению В. А. Ядова, социология как полипарадигмальное знание о социальных сообществах и социальных процессах имеет множественность теорий и парадигм. Он объясняет это исторически происходившими сменами общенаучной картины мира, но также аргументами в дискуссии о методе социального знания Виндельбанда и Риккерта, развитыми в работах М. Вебера и далее — феноменологами и конструктивистами А. Шюцем, П. Бергером и Т. Лукманом. В определенной мере разногласия в макротеориях объяснимы социокультурной принадлежностью самих теоретиков. Например, показывает Ядов, русская субъективная школа Михайловского и других утверждала соответствие объективных закономерностей общественного прогресса становлению социальной солидарности, общинности; А. В. Чаянов в отличие от М. Вебера отрицал идею «экономического человека» применительно к менталитету российского крестьянина. Множественность социологических макротеорий объясняется прежде всего культурно-историческими различиями в научных картинах мира (Ядов, 2003). Диалог способствует взаимодополнительности разных направлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джонсон, Т., Дандекер, К., Эшуорт, К. (1993) Теоретическая социология: условия фрагментации и единства // Альманах THESIS. № 1. С. 83–105.
- История культурологии (2006) : учебник / под ред. А. П. Огурцова. М. : Гардарики.
- Коллинз, Р. (1994) Социология: наука или антинаука? // Альманах THESIS. № 4. С. 71–96.
- Лекторский, В. А. Мультикультурализм и диалог культур // Сайт академика Д. Лихачева. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2011/Dokladi/LektorskyVA_plen_rus_01.03.pdf (дата обращения: 30.05.2011).
- Монсон, П. (1994) Лодка на аллеях парка : Введение в социологию. М. : Весь мир.
- Ритцер, Дж. (2002) Современные социологические теории. СПб. : Питер.

Степанянц, М. Т. (2008) Россия в глобализирующемся мире // *Филос. журнал*. № 1. М. : ИФ РАН. URL: <http://iph.ras.ru/page47689426.htm> (дата обращения: 01.05.2011).

Степин, В. С. (1999) *Теоретическое знание*. М. : Прогресс-Традиция.

Тойнби, А. Дж. (1991) *Постижение истории*. М. : Прогресс.

Турен, А. (1998) *Возвращение человека действующего*. М. : Научный мир.

Ядов, В. А. (2003) *Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии* // *Социол. журнал*. № 3. URL: <http://www.socjournal.ru/article/563> (дата обращения: 01.05.2011).

Bauman, Z. (2004) *Identity. Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge ; Malden : Polity Press.

Boulding, E. (1998) *Peace Culture: The Problem of Managing Human Difference* // *Cross Currents*. Vol. 48. Issue 4. Winter. P. 445–457.

Galtung, J. (1998) *After Violence: 3R, Reconstruction, Reconciliation, Resolution. Coping With Visible and Invisible Effects of War and Violence*. Princeton, NJ : TRANSCEND.

Galtung, J. (1996) *Peace by Peaceful Means: Peace, Conflict, Development and Civilization*. L.

Huntington, S. P. (1993) *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

Huntington, S. P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y.

Sen, A. (2006) *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. N. Y. ; L.

CONFLICTS, IDENTITY AND DIALOGUE

N. N. Fedotova

(Moscow State Institute of International Affairs
(University) of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia)

The article analyses the relationship of conflict, dialogue and identity. The conflict theories of S. Huntington and J. Galtung are used to detect this relationship. Two types of identity are outlined: constant and processually alternating ones. The role of dialogue in overcoming the conflicts of paradigms in sociology is examined.

Keywords: identity, dialogue, conflict, sociology, conflict theories, S. Huntington, J. Galtung.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Dzhonson, T., Dandeker, K., Eshuort, K. (1993) *Teoreticheskaja sotsiologija: usloviia fragmentatsii i edinstva* // *Al'manakh THESIS*. № 1. S. 83–105.

Istoriia kul'turologii (2006) : *uchebnik* / pod red. A. P. Ogurtsova. M. : Gardariki.

Kollinz, R. (1994) *Sotsiologija: nauka ili antinauka?* // *Al'manakh THESIS*. № 4. S. 71–96.

Lektorskii, V. A. *Mul'tikul'turalizm i dialog kul'tur* // *Sait akademika D. Likhacheva*. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2011/Dokladi/LektorskyVA_plen_rus_01.03.pdf (data obrashcheniia: 30.05.2011).

Monson, P. (1994) *Lodka na alleiakh parka : Vvedenie v sotsiologiiu*. M. : Ves' mir.

Rittser, Dzh. (2002) *Sovremennye sotsiologicheskie teorii*. SPb. : Piter.

Stepanians, M. T. (2008) *Rossia v globaliziruiushchemsja mire* // *Filos. zhurnal*. № 1. M. : IF RAN. URL: <http://iph.ras.ru/page47689426.htm>

Stepin, V. S. (1999) *Teoreticheskoe znanie*. M. : Progress-Traditsiia.

Toinbi, A. Dzh. (1991) *Postizhenie istorii*. M.

Turen, A. (1998) *Vozvrashchenie cheloveka deistvuiushchego*. M. : Nauchnyi mir.

Iadov, V. A. (2003) *Vozmozhnosti sovmeshcheniia teoreticheskikh paradigim v sotsiologii* // *Sotsiol. zhurnal*. № 3. URL: <http://www.socjournal.ru/article/563>

Bauman, Z. (2004) *Identity. Conversations with Benedetto Vecchi*. Cambridge ; Malden : Polity Press.

Boulding, E. (1998) *Peace Culture: The Problem of Managing Human Difference* // *Cross Currents*. Vol. 48. Issue 4. Winter. P. 445–457.

Galtung, J. (1998) *After Violence: 3R, Reconstruction, Reconciliation, Resolution. Coping With Visible and Invisible Effects of War and Violence*. Princeton, NJ : TRANSCEND.

Galtung, J. (1996) *Peace by Peaceful Means: Peace, Conflict, Development and Civilization*. L.

Huntington, S. P. (1993) *The Clash of Civilizations?* // *Foreign Affairs*. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

Huntington, S. P. (1996) *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y.

Sen, A. (2006) *Identity and Violence: The Illusion of Destiny*. N. Y. ; L.